

фигуры. Въ его поэзіи есть нѣчто другое, чѣмъ не поддавалось карандашу; въ этомъ отношеніи интересенъ подѣлъ контрастъ его рисунковъ съ тѣми отдѣлами его дневника, которые можно назвать походными этюдами художника: тамъ ничего не говорящей силуэтъ Монблана, здѣсь образы гигантскихъ головъ съ развѣвающимися на шлемахъ шишаками, облака-привидѣнія, цвѣтъ воды и неба во всѣхъ его переливахъ, полутонахъ. Не разъ говорится, что все дѣло въ освѣщеніи; «die Aussendinge sind die Farbe des Geistes» (внѣшній міръ лишь окраска духовнаго), писалъ Жуковскому въ 1803 году его пріятель Андрей Тургеневъ, приводя слова Шиллера; Жуковский доскажетъ остальное, толкуя въ письмѣ къ Рейтерну слова Boileau (Rien n'est beau que le vrai): природу не слѣдуетъ украшать, но всякій художникъ понимаетъ ее по своему, отражая въ ней свою душу, душу вообще въ душѣ природы; чѣмъ насъ привлекаетъ въ природѣ — это слѣды человѣческой души.

Чѣмъ въ живописи освѣщеніе, то въ поэзіи настроеніе, Stimmung, слѣдъ души; въ поэзіи Жуковскаго настроеніе цвѣтовое, и, вмѣстѣ, мелодическое: особая прелесть стиха, подборъ поэтического языка, въ которомъ словарь чувствительности сосѣдитъ съ элементами церковно-славянскими и народными, мѣрное теченіе рѣчи обрывается порой лирически вопросомъ, плодятся анаколюты и встрѣчаются сочетанія, выходившія изъ нормъ господствовавшей тогда литературной рѣчи. Кто не ощущалъ внутренней поэзіи стиля, тотъ упрекалъ Жуковскаго въ неправильностяхъ языка, въ германизмахъ. На нихъ онъ учился, не предвзято, теоретически, а осязательно, ища выраженій для своего «невыразимаго». Особенно въ началѣ онъ не боится не-русской конструкціи, вродѣ «шатра кругомъ», вмѣсто «кругомъ шатра»; въ «Вадимѣ» герой готовъ забыться съ красавицей княжной, но раздался призывный звонокъ, чудилось, кто-то летѣлъ, незримый, но извѣстный,

И взоръ, наполненный тоской,
Мелькалъ сквозь покрывало,